

А. А. Блок

Россия и интеллигенция

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б70

Б70 **Блок А.А.**
Россия и интеллигенция / А. А. Блок – М.: Книга по Требованию, 2014. –
70 с.

ISBN 978-5-517-98588-0

ISBN 978-5-517-98588-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

руламскій — взяточникъ, Спиноза — стекольщикъ, Гаршинъ — переплетчикъ, Горькій — социаль-демократъ“ . . .

Александръ Блокъ — народникъ!

Нѣтъ, здѣсь сліяніе глубже. Вѣдь народничество — не принадлежность къ какой-то партіи, не „соціализація земли“ и „особый путь развитія“. Народничество — міроощущеніе. Народничество — міропониманіе. Народникъ — особый психологическій типъ. Послушайте, что пишетъ Блокъ и вы поймете, что радостно роднитъ его съ народническимъ міровоспріятіемъ:

„Жить стоитъ только такъ, чтобы предъявлять безмѣрныя требованія къ жизни: все, или ничего; ждать нежданнаго; вѣрить не въ „то, чего нѣтъ на свѣтѣ“, а въ то, что должно быть на свѣтѣ; пусть сейчасъ этого нѣтъ, и долго не будетъ. Но „жизнь отдастъ намъ это, ибо она прекрасна“.

А. Шрейдеръ.

ОТЪ АВТОРА.

Редакція „Знамени Труда“ дала мнѣ возможность подѣлиться съ новыми читателями моими настоящими и прежними мыслями на тему, занимающую меня уже десять лѣтъ.

Считаю долгомъ оговорить заранѣе, что я никогда не подходилъ къ вопросу съ соціологической, а, тѣмъ болѣе, съ политической стороны. Тема моя, если можно такъ выразиться, музыкальная (конечно, не въ спеціальному значеніи этого слова). Отсюда и общее заглавіе всѣхъ статей — „Россія и интеллигенція“.

Россія здѣсь не государство, не національное цѣлое, не отечество, а нѣкое соединеніе, постоянно мѣняющее свой внѣшній образъ, текучее, какъ гераклитовскій міръ и, однако, неизмѣняющееся въ чемъ то самомъ основномъ. Наиболѣе близко опредѣляютъ это понятіе слова: „народъ“, „народная душа“, „стихія“, но каждое изъ нихъ отдѣльно все-таки не исчерпываетъ всего музыкальнаго смысла слова „Россія“.

Точно также, и слово „интеллигенція“ берется не въ соціологическомъ его значеніи; это — не классъ, не политическая сила, не „внѣсословная группа“, а опять таки особаго рода соединеніе, которое, однако, существуетъ въ дѣйствительности, и, волею исторіи, вступило въ весьма знаменательныя отношенія съ „народомъ“, со „стихіей“: именно — въ отношенія борьбы.

Интеллигенція, какъ и Россія, постоянно мѣняетъ свои внѣшніе облики, но также остается равной себѣ

въ чемъ-то самомъ существенномъ. Ближе соприкасаются съ этимъ понятіемъ — понятія „просвѣщенія“ (хотя бы въ томъ смыслѣ, какой придалъ этому слову восемнадцатый вѣкъ), „культуры“ (не въ древнемъ, а въ новомъ употребленіи); но, опять-таки, въ этихъ понятіяхъ нѣтъ полного музыкальнаго совпаденія съ тѣмъ, о чемъ у меня идетъ рѣчь; лучше сказать, именно антимузыкальность понятія „интеллигенціи“ заставляетъ меня орудовать этимъ, а не какимъ либо другимъ словомъ.

Такая оговорка, я надѣюсь, отниметъ поводъ для многихъ возраженій, которыя были мнѣ сдѣланы и которыя покоились иногда на чистѣйшемъ недоразумѣніи.

9 января 1918 года.

ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ И РЕВОЛЮЦІЯ.

„Россія гибнетъ“, „Россіи больше нѣтъ“, „вѣчная память Россіи“, слышу я вокругъ себя.

Но передо мной — Россія: та, которую видѣли въ устрашающихъ и пророческихъ снахъ наши великіе писатели; тотъ Петербургъ, который видѣлъ Достоевскій; та Россія, которую Гоголь назвалъ несущейся тройкой.

Россія — буря. Демократія приходитъ „опоясанная бурей“, говоритъ Карлейль.

Россіи суждено пережить муки, униженія, раздѣленія; но она выйдетъ изъ этихъ униженій новой и — по новому — великой.

Въ томъ потокѣ мыслей и предчувствій, который захватилъ меня десять лѣтъ назадъ, было смѣшанное чувство Россіи: тоска, ужасъ, покаяніе, надежда.

То были времена, когда царская власть въ послѣдній разъ достигла, чего хотѣла: Витте и Дурново скрутили революцію веревкой; Столыпинъ крѣпко обмоталъ эту веревку о свою нервную дворянскую руку. Столыпинская рука слабѣла. Когда не стало этого послѣдняго дворянина, власть, по выраженію одного весьма сановнаго лица, перешла къ „поденщикамъ“; тогда веревка ослабла и безъ труда отвалилась сама!

Все это продолжалось не много лѣтъ; но немногіе годы легли на плечи, какъ долгая, бессонная, наполненная призраками ночь.

Распутинъ — все, Распутинъ всюду; Азефы разоблаченные и неразоблаченные; и, наконецъ, годы европейской бойни; казалось минуте, что она очиститъ воздухъ — казалось намъ, людямъ чрезмѣрно впечатлительнымъ; на самомъ дѣлѣ, она оказалась достойнымъ вѣнцомъ той лжи, грязи и мерзости, въ которыхъ купалась наша родина.

Что такое война?

Болота, болота, болота; поросшія травой, или занесенныя снѣгомъ; на западѣ — унылый нѣмецкій прожекторъ — шарить — изъ ночи въ ночь; въ солнечный день появляется нѣмецкій фоккеръ; онъ упрямо летитъ одной и той же дорожкой; точно въ самомъ небѣ можно протоптать и загадить дорожку; вокругъ него разбѣгаются дымки; бѣлые, сѣрые, красноватые (это мы его обстрѣливаемъ, почти никогда не попадая; такъ же, какъ и нѣмцы — насъ); фоккеръ стѣсняется, колеблется, но старается держаться своей поганой дорожки; иной разъ методически сброситъ бомбу; значить, мѣсто, куда онъ цѣлитъ, истыкано на картѣ десятками рукъ нѣмецкихъ штабныхъ; бомба упадетъ иногда — на кладбище, иногда — на стадо скотовъ, иногда — на стадо людей; а чаще, конечно, въ болото; это — тысячи народныхъ рублей въ болотѣ.

Люди глазѣютъ на все это, изнывая отъ скуки, пропадая отъ бездѣлья; сюда уже успѣли перетаскать всю гнусность до-военныхъ квартиръ: измѣны, картежъ, пьянство, ссоры, сплетни.

Европа сошла съ ума: цвѣтъ человечества, цвѣтъ интеллигенціи сидитъ годами въ болотѣ, сидитъ съ убѣжденіемъ (не символъ ли это?) на узенькой тысячеверстной полоскѣ, которая называется „фронтъ“.

Люди — крошечные, земля — громадная. Это вздоръ, что міровая война такъ замѣтна: довольно маленькаго клочка земли, опушки лѣса, одной полянки, чтобы уложить сотни труповъ людскихъ и лошадиныхъ. А сколько ихъ можно сзалить въ не-

большую яму, которую скоро затянетъ трава, или запорошить снѣгомъ! Вотъ одна изъ осязаемыхъ причинъ того, что „великая европейская война“ такъ убога.

Трудно сказать, что тошнотворнѣе: кровопролитіе, или то бездѣлье, та скука, та пошлятина; имя обоимъ — „великая война“, „отечественная война“, „война за освобожденіе угнетенныхъ народностей“, или какъ еще? Нѣтъ, подъ этимъ знакомъ — никого не освободить.

Вотъ, подъ игомъ грязи и мерзости заустѣнія, подъ бременемъ сумасшедшей скуки и бессмысленнаго бездѣлья, люди какъ то разсѣялись, замолчали и ушли въ себя; точно сидѣли подъ колпаками, изъ которыхъ постепенно выкачивался воздухъ. Вотъ, когда дѣйствительно хамѣло человѣчество, и въ частности — російскіе патріоты!

Потокъ предчувствій, прошумѣвшій надъ иными изъ насъ между двухъ революцій, также ослабѣлъ, заглохъ, ушелъ куда-то въ землю. Думаю, не я одинъ испытывалъ чувство болѣзни и бреда въ годы 1909—1916. Теперь, когда весь европейскій воздухъ измѣненъ русской революціей, начавшейся „безкровной идилліей“ февральскихъ дней, и растущей безостановочно и грозно, кажется иногда, будто и не было тѣхъ недавнихъ, такихъ древнихъ и далекихъ годовъ; а потокъ, ушедшій въ землю, протекавшій безшумно въ глубинѣ и тьмѣ — вотъ онъ опять шумить, и въ шумѣ его — новая музыка.

Мы любили эти диссонансы, эти ревы, эти звоны, эти неожиданные переходы . . . въ оркестрѣ. Но, если мы ихъ дѣйствительно любили, а не только щекотали свои нервы въ модномъ театральномъ залѣ послѣ обѣда, — не должны ли мы слушать и любить тѣ же звуки теперь, когда они вылетаютъ изъ мірового оркестра; и, слушая, понимать, что это — о томъ же, все о томъ же?

Музыка, вѣдь, не игрушка; а та бестія, которая полагала, что музыка — игрушка, — и веди себя теперь, какъ бестія: дрожи, пресмыкайся, береги свое добро!

Мы, русскіе, переживаемъ эпоху, имѣющую немного равныхъ себѣ по величію. Вспоминаются слова Тютчева:

Блаженъ, кто посѣтилъ сей міръ
Въ его минуты роковыя,
Его призвали всеблагіе,
Какъ собесѣдника, на пирь,
Онъ ихъ высокихъ зрѣлищъ зритель . . .

Не дѣло художника — смотрѣть за тѣмъ, какъ исполняется задуманное, печься о томъ, исполнится оно, или нѣтъ. У художника — все бытовое, житейское, быстро смѣняющееся — найдетъ свое выраженіе потомъ, когда перегоритъ въ жизни. Тѣ изъ насъ, кто уцѣлѣеть, кого не „изомнетъ съ налету вихрь шумный“, окажутся властителями неисчислимыхъ духовныхъ сокровищъ. Овладѣтъ ими, вѣроятно, сможетъ только новый геній, пушкинскій Аріонъ; онъ, „выброшенный волною на берегъ“, будетъ пѣть „прежніе гимны“ и „ризу влажную свою“ сушить „на солнцѣ, подъ скалою“.

Дѣло художника, обязанность художника — видѣть то, что задумано, слушать ту музыку, которою гремитъ „разорванный вѣтромъ воздухъ“.

Что же задумано?

Передѣлать все. Устроить такъ, чтобы все стало новымъ; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью.

Когда такіе замыслы, искони таящіеся въ человѣческой душѣ, въ душѣ народной, разрываютъ ско-

вывавшіе ихъ путы и бросаются бурнымъ потокомъ, доламывая плотины, обсыпая лишніе куски береговъ, это называется революціей. Меньшее, болѣе умѣренное, болѣе низменное — называется мятежомъ, бунтомъ, переворотомъ. Но это называется революціей.

Она сродни природѣ. Горе тѣмъ, кто думаетъ найти въ революціи исполненіе только своихъ мечтаній, какъ бы высоки и благородны они ни были. Революція, какъ грозовой вихрь, какъ снѣжный буранъ, всегда несетъ новое и неожиданное, она жестоко обманываетъ многихъ; она легко калѣбитъ въ своемъ водоворотѣ достойнаго; она часто выноситъ на сушу невредимыми недостойныхъ; но это — ея частности, это не мѣняетъ ни общаго направленія потока, ни того грознаго и оглушительнаго гула, который издаетъ потокъ. Гулъ этотъ, все равно, всегда — о великомъ.

Размахъ русской революціи, желающей охватить весь міръ (меньшаго истинная революція желать не можетъ, исполнится это желаніе или нѣтъ, — гадать не намъ), таковъ: она лелѣетъ надежду поднять міровой циклонъ, который донесетъ въ заметенныя снѣгомъ страны — теплый вѣтеръ и нѣжный запахъ апельсиновыхъ рошъ; увлажнитъ спаленныя солнцемъ степи юга — прохладнымъ сѣвернымъ дождемъ.

„Миръ и братство народовъ“ — вотъ знакъ, подъ которымъ проходитъ русская революція. Вотъ о чемъ реветъ ея потокъ. Вотъ музыка, которую имѣющей уши можетъ слышать.

Русскіе художники имѣли достаточно „предчувствій и предвѣстій“ для того, чтобы ждать отъ Россіи именно такихъ заданий. / Они никогда не сомнѣвались въ томъ, что Россія — большой корабль, которому суждено большое плаваніе. | Они, какъ и народная душа, ихъ

вспоившая, никогда не отличались расчетливостью, умѣренностью, аккуратностью: „все, все, что гибелью грозитъ“, тайло для нихъ „неизъяснимы наслажденія“ (Пушкинъ). Чувство неблагополучія, незнаніе о завтрашнемъ днѣ, сопровождало ихъ повсюду. Для нихъ, какъ для народа, въ его самыхъ глубокихъ мечтахъ, было все, или ничего. Они знали, что только о прекрасномъ стоитъ думать, хотя „прекрасное трудно“, какъ училъ Платонъ.

Великіе художники русскіе — Пушкинъ, Гоголь, Достоевскій, Толстой — погружались во мракъ, но они же имѣли силы пребывать и таиться въ этомъ мракѣ: ибо они вѣрили въ свѣтъ. Они знали свѣтъ. Каждый изъ нихъ, какъ весь народъ, выносившій ихъ подъ сердцемъ, скрежеталъ зубами во мракѣ, отчаяніи, часто — злобѣ. Но они знали, что, рано или поздно, все будетъ по новому, потому что жизнь прекрасна.

Жизнь прекрасна. Зачѣмъ жить тому народу, или тому человѣку, который втайнѣ разувѣрился во всемъ? Который разочаровался въ жизни, живетъ у нея „на подаяніи“, „изъ милости“? Который думаетъ, что жить „не особенно плохо, но и не очень хорошо“, ибо „все идетъ своимъ путемъ“, путемъ... эволюціоннымъ: люди же такъ, вообще, плохи и несовершенны, что дай имъ только Богъ прокряхтѣть свой вѣкъ кое-какъ, сколачиваясь въ общества и государства, ограждаясь другъ отъ друга стѣнками правъ и обязанностей, условныхъ законовъ, условныхъ отношеній...

Такъ думать не стоитъ; а тому, кто такъ думаетъ, вѣдь и жить не стоитъ. Умереть легко; умирать можно безболѣзненно; сейчасъ въ Россіи, какъ никогда: можно даже безъ попа; попъ не обидитъ отпѣвальной взяткой...

Жить стоитъ только такъ, чтобы предъявлять безмѣрные требованія къ жизни: все, или ничего; ждать нежданнаго; вѣрить — не въ „то, чего нѣтъ на